

Охрана наследия в региональном масштабе: интеллектуальные истоки, теоретические трансформации и практические вызовы

Авторы

Цзян Хун, У Синьюй, Дун Вэй

Аннотация

С 1960-х годов мировая охрана культурного наследия постепенно развивается в сторону региональных и целостных подходов. Китай также вступил в новый этап комплексной охраны историко-культурного наследия. Хотя исследования наследия в региональном масштабе уже активно развиваются, глубинные интеллектуальные источники и научные линии, лежащие в основе этой охранной концепции, все еще требуют системного осмысления. В статье рассматриваются идейные истоки и теоретическая эволюция охраны наследия на региональном уровне. Выделены три интеллектуальные линии: поиск "локальности" в архитектуре и градостроительстве; экологическое движение и подъем гуманистической географии; "пространственный поворот" в историографии и становление глобально-исторического взгляда. Далее раскрываются три ключевые теоретические трансформации: от разделения природы и культуры к их согласованию, от сохранения материальной ткани к передаче живого наследия, от западнцентричного дискурса к взаимному обучению региональных цивилизаций. Исходя из практики Китая, статья анализирует основные практические вызовы и предлагает теоретические ориентиры и направления размышления для охраны и передачи наследия в региональном масштабе.

Ключевые слова

охрана наследия в региональном масштабе; интеллектуальные истоки; теоретическая эволюция; практические вызовы

Введение

С 1960-х годов международное понимание культурного наследия постоянно углублялось. Объект охраны наследия вышел за пределы отдельного памятника и включил новые понятия, такие как культурный ландшафт, культурный маршрут и исторический городской ландшафт. Эти понятия направили мировую охрану культурного наследия к более целостной и системной логике.

В последние годы Китай уделяет все большее внимание системной и комплексной охране культурного наследия. В 2021 году Главное управление ЦК КПК и Главное управление Государственного совета выпустили Мнения об усилении охраны и передачи истории и культуры в городском и сельском строительстве, где подчеркивалась необходимость "системной и полной охраны и передачи городского и сельского историко-культурного наследия", а также "полного пространственного охвата и включения всех элементов" [1]. Документ особо призвал усиливать комплексную охрану историко-культурного наследия, пересекающего регионы и речные бассейны, и увязывать эту работу с крупными национальными стратегиями регионального развития. После успешного включения Центральной оси Пекина в Список всемирного наследия в 2024 году председатель Си Цзиньпин предложил дальше усиливать целостную и системную охрану культурного и природного наследия и повышать возможности охраны. Это означает, что охрана и передача городского и сельского культурного наследия Китая вступили в новый этап системного и территориального развития.

Китайские исследователи уже провели множество исследований в области охраны наследия на региональном уровне. Они подчеркивают органическую связь городских, сельских, природных и культурных ресурсов и необходимость интегральной охраны [2-6]. Объекты исследований расширились до культурных маршрутов, наследственных коридоров, культурных ландшафтов, сетей наследия [3], кластеров поселений [7-8] и историко-культурных пространств [4]. Ключевые вопросы включают выявление характеристик регионального наследия [7,9], интерпретацию его ценности [3,10] и инновации охранных методов [7-9]. Эти исследования углубили понимание разных типов регионального наследия, а также их формирования, содержания и технических методов в китайском контексте. Однако интеллектуальные источники и теоретические линии, поддерживающие формирование концепции региональной охраны наследия, пока не получили достаточного системного обзора и объяснения. Это в определенной степени ограничивает глубокое понимание целей, объектов и содержания охраны, а также влияет на адаптивность охранных стратегий в сложных практических условиях.

Поэтому статья стремится прояснить идейные истоки и теоретическую траекторию охраны наследия в региональном масштабе, показать, как ее содержание и границы уточнялись в столкновении интеллектуальных течений, оценить ход ее развития и указать практические вызовы. Тем самым она предлагает теоретическую поддержку для охраны и передачи регионального наследия в Китае.

1 "Истоки": три интеллектуальных источника

Идея охраны наследия возникла из глубокого осмысления кризиса модерности в научной мысли XX века. Модернистская ориентация на эффективность и универсальные модели, применимые повсюду, привела к утрате экологических и культурных ценностей и ослаблению локального дискурса. В этой ситуации наследие стало посредником, соединяющим человека, среду и историю, и важным средством реконструкции идентичности.

Региональный поворот в охране наследия укоренен в послевоенном возрождении гуманизма и в социальных критических течениях. В статье он сводится к трем линиям: пробуждение интереса к "локальности" и духу места в архитектуре и планировании; слияние природных и культурных ценностей, продвигаемое экологическим движением и гуманистической географией; целостное историческое видение и перспектива межцивилизационного диалога, открытые пространственным поворотом в историографии.

1.1 Поиск "локальности" в архитектуре и градостроительстве

На фоне быстрой урбанизации модернистские идеи архитектуры и градостроительства породили международный стиль и кризис однообразного городского облика. "Безместность" модерности вырывала историю и смысл из их локальной почвы [11], что стало центральным предметом научной критики после 1960-х годов. На этой основе контекстуализм и регионализм стали двумя важными линиями поиска локальности.

1.1.1 Контекстуализм: преемственность средовых отношений

Понятие "контекст" происходит из лингвистики и обозначает смысловую среду [12]. В архитектуре оно указывает на историческую и средовую основу формы. Роберт Вентури считал, что архитектура должна активно вступать в диалог с элементами окружения, и предложил соответствующие проектные подходы. Позднее в архитектурной сфере сформировалось критическое движение, стремившееся раскрыть исторические смыслы и культурные контексты.

Чарльз Дженкс понимал контекст как сочетание исторической структуры города и городской среды. Теория Collage City Колина Роу и исследование образа города Кевина Линча акцентировали эти два аспекта соответственно: первое анализировало, как городская ткань метафорически сохраняет историческую структуру, второе интерпретировало морфологическое выражение городского контекста с социально-психологической точки зрения.

Контекстуализм также стимулировал развитие теории места. Кристиан Норберг-Шульц предложил понятие *genius loci* для описания духовной идентификации с историей, культурой и пространственными особенностями конкретного места, раскрывая новую связь между субъективным сознанием и объективным миром. Альдо Росси и Кристофер Александер перевели понятия контекста и места из когнитивной сферы в методологическую. Через типологическую индукцию они связали исторические отношения, культурные чувства, социальные характеристики и современную реальность, создавая материально-пространственные связи, поддающиеся обобщению и переносу [13].

Контекстуализм придает отношениям внутри среды большее значение, чем изолированным объектам [12]. Он расширяет единичную материальную форму до социального пространства, насыщенного смыслом и непрерывного по масштабу, закладывает интеллектуальную основу охраны исторической среды и заметно сдвигает носитель наследственной ценности от отдельного объекта к отношенческому кластеру.

1.1.2 Регионализм: локальность, обращенная к региону

Регионализм обращен к региональному масштабу и ищет местные особенности, сформированные широкой природно-географической и гуманитарной средой. Пионер регионального планирования Патрик Геддес считал, что город и регион тесно связаны, а город "накапливает и несет культурное наследие региона" и служит носителем региональной памяти [14]. В 1924 году Льюис Мамфорд прямо сформулировал идею регионализма, утверждая, что архитектура и города должны выражать региональные особенности. Он рассматривал город как сосуд цивилизации и полагал, что его культурное содержание существует в широком региональном диапазоне "от лесной зоны до города, от плато до водных поселений" [15].

Позднее, благодаря работам Мамфорда, Александра Цониса, Кеннета Фрэмптона и других, регионализм развился в критическую теоретическую ориентацию. Он отвергал ностальгическую традиционалистскую установку и одновременно избегал слепого поклонения технической рациональности, выражая дух места и культурную память более конструктивным способом. Тем самым регионализм побудил охрану наследия выйти за пределы изолированной защиты локальной среды и обратить внимание на крупномасштабные городско-сельские поселенные среды и их целостные региональные характеристики.

1.2 Экологическое движение и гуманистическое возрождение географии

С XX века поднималось экологическое движение, а география переживала гуманистическое возрождение. Западное представление о природе постепенно изменилось от механистической дуальности субъекта и объекта к экологическому гуманизму, подчеркивающему гармоническое сосуществование.

1.2.1 Экологическое движение: этическое признание природы

Еще в период промышленной революции люди осознали ограниченность природных ресурсов. Генри Дэвид Торо в Уолдене описал идеал простоты и гармонии, выражая бережное отношение к

природе. Однако такие размышления во многом сохраняли романтический характер и оставались в пределах элитарных кругов.

После Второй мировой войны тяжелые экологические проблемы непосредственно породили современное движение защиты окружающей среды. В 1962 году вышла Безмолвная весна, раскрывшая токсическое воздействие химических пестицидов на экологию и пробудившая общественное экологическое сознание. В 1972 году Римский клуб опубликовал Пределы роста, предупредив, что природные ресурсы не являются неисчерпаемыми. С этого момента устойчивость постепенно стала глобальной повесткой. Влияние движения быстро проникло в разные сферы. Иэн Леннокс Макхарг системно обосновал взаимозависимость человека и природы, предложил сделать экологию основой регионального планирования и разработал соответствующие планировочные принципы. В 1987 году идея устойчивого развития была официально сформулирована, что означало переход охраны окружающей среды от элитарной инициативы к глобальной программе.

Под влиянием экологического движения природа постепенно превратилась из объекта изъятия ресурсов в ценностный субъект, обладающий экологической и эстетической целостностью. В этом процессе возникла идея охраны дикой природы, подчеркивающая поддержание чистого природного состояния и отказ от человеческих следов. Она стала прямым выражением признания субъектной ценности природы. В целом экологическое движение означало этическое признание природы и создало когнитивную основу для сближения природного и культурного наследия.

1.2.2 Гуманистическая география: возрождение человеческих ценностей

Гуманистическое возрождение географии раскрыло глубокую связь между природной средой и человеческими чувствами. В традиционной географии Карл Риттер и Фридрих Ратцель уже начали исследовать отношения человека и земли. В начале XX века Карл Ортвин Зауэр предложил теорию культурного ландшафта, где культура выступает движущей силой, а природа - средством географического процесса [16]. Это открыло исследование сопряжения природы и культуры. Однако в то время эта мысль не стала мейнстримом; после подъема количественной революции география, стремясь к научности, на время попала в ситуацию "отсутствия человека".

С 1960-х годов эта тенденция стала меняться. И-Фу Туан с феноменологической позиции исследовал топофилию и показал эмоциональную связь человека с местом [17]. Эдвард Релф через противопоставление места и безместности критиковал утрату уникальности места в модерности. Тим Инголд предложил идею взаимодействия через обитание, подчеркивая, что человек и природный мир совместно формируются через постоянную практику. Видалевская школа обращала внимание на индивидуальный опыт и жизненное пространство, на восприятие среды и эмоциональные связи с ней [18]. Эти теории имели выраженную критическую позицию эпохи, опирались на феноменологию, экзистенциализм и другие течения, подчеркивали субъектность человека, телесный опыт и чувства места, заново утверждая человеческие ценности в центре географического исследования.

Такое представление о природе вышло за рамки узкой "научности" и признало значение эмоций, ценностей, религии, обычаев и других культурно-гуманистических измерений. Помимо чисто природных гор и рек и искусственных следов, комплексные ландшафты, созданные долгосрочным взаимодействием человека и земли, также стали важным типом наследия.

1.3 "Пространственный поворот" в историографии и межкультурное взаимное обучение

Историография глубоко влияет на формирование человеческой идентичности и ценностного признания. С XX века западная историческая наука пережила пространственный поворот и сформировала глобально-историческое видение, ориентированное на межрегиональные и межкультурные взаимодействия. Соответственно изменились способы интерпретации наследственного смысла и критерии оценки.

1.3.1 Пространственный поворот: от политических событий к жизненному миру

В традиционной историографии школа Ранке выдвигала в центр политические события и линейное развитие смены власти. В начале XX века Марк Блок, Люсьен Февр и другие представители школы Анналов поставили это под вопрос, утверждая, что история не должна рассказывать только о политических процессах, а должна распространяться на " всю человеческую деятельность и каждую деталь истории " [19].

С одной стороны, пространственный поворот ввел географическую перспективу в историческое исследование. Теория *longue durée* Фернана Броделя рассматривала медленное изменение географической среды как глубинную основу исторического процесса и подчеркивала долговременную роль пространства в формировании социальных форм и человеческой деятельности [20]. С другой стороны, историография на философском уровне перешла от чистой диахронии к синхронии и начала воспринимать структурный взгляд социологии, стремясь выявлять общие закономерности даже ценой отказа от исчерпывающего описания деталей [21]. Поэтому базовая единица исторического исследования сместилась от сущностей, ограниченных политическими границами, к " геокультурным единицам ", связанным общей географической средой и социальными отношениями.

Исторический смысл больше не ограничивался государями, полководцами и политическими свершениями; он стал обращен к образам жизни и коллективной мудрости, сформированным в долгосрочном взаимодействии человека и среды. Наследие также перестало быть лишь монументальным политическим символом. Его критерий признания постепенно сместился от вопроса " велико ли оно " к вопросу " подлинно ли оно отражает сложный процесс отношений человека и земли ", переходя к новой концепции, основанной на региональной единице и принципе целостности.

1.3.2 Глобальная история: от евроцентризма к диалогу цивилизаций

Во второй половине XX века исторические исследования постепенно отходили от евроцентрического нарратива, и возникло глобально-историческое видение. Под влиянием теории власти и дискурса Мишеля Фуко ученые начали переосмысливать колониальную перспективу, стоящую за так называемой объективной историей, и заново подтверждать многообразие человеческих цивилизаций. Арнольд Джозеф Тойнби утверждал, что цивилизации являются параллельными, современными друг другу и равноценными, подчеркивая, что цивилизационное развитие не является единой эволюцией, а представляет собой множественное сосуществование и самостоятельное развитие [22].

В фокус исследования вошли транскulturация, перевод и построение идентичности на основе различия [23]. Уильям Харди Макнилл рассматривал межкультурные обмены как главную силу, меняющую ход человеческой истории [24]. Джерри Х. Бентли считал крупномасштабные миграции, дальнюю торговлю, религиозный и культурный обмен необходимыми для понимания

траекторий развития отдельных обществ и мира в целом [25]. Поэтому историческое письмо изменилось и стало реконструировать целое истории через межрегиональные и межкультурные сети связей. Этот поворот усилил внимание к межрегиональным процессам наследия. Культурные маршруты возникли как новый тип наследия: через дороги, реки и другие носители они раскрывают исторические процессы, сформированные длительным обменом между разными цивилизациями.

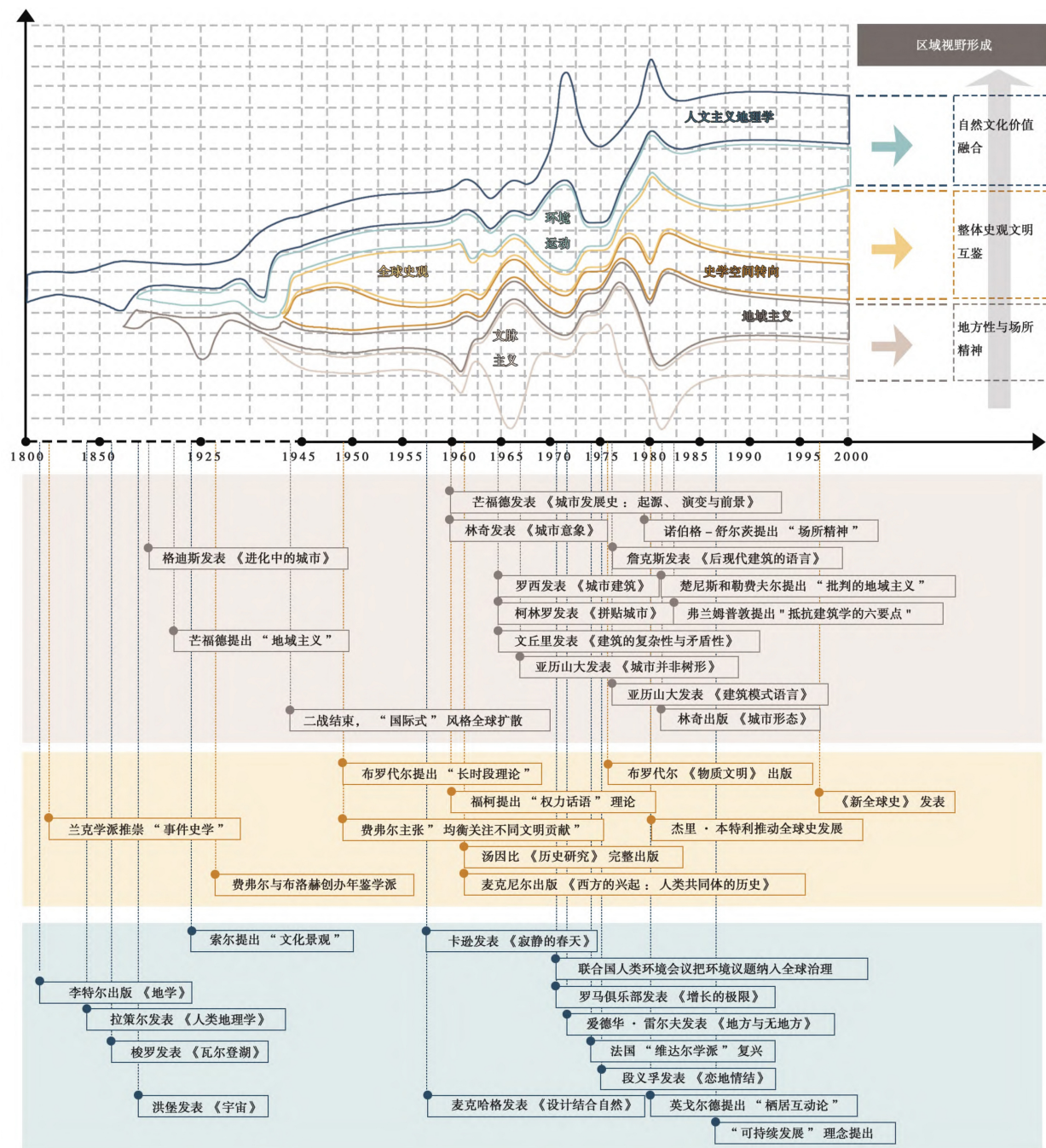

Рисунок 1. Интеллектуальные истоки охраны наследия в региональном масштабе.

2 "Трансформации": теоретическая эволюция охраны наследия

Эволюция идейных источников стимулировала теоретические преобразования охраны наследия. Поиск локальности в архитектуре и градостроительстве расширил объект охраны от отдельных остатков к региональным системам, несущим местную память. Принцип сосуществования природы и культуры, продвигаемый экологическим движением и гуманистической географией, побудил охрану наследия выйти за пределы бинарного разделения. Интерес историографии к межкультурному обмену и межрегиональным связям создал когнитивную основу для новых типов наследия, таких как культурные маршруты. Эти три линии вместе направили охрану наследия к региональному видению и сформировали различные практические типы.

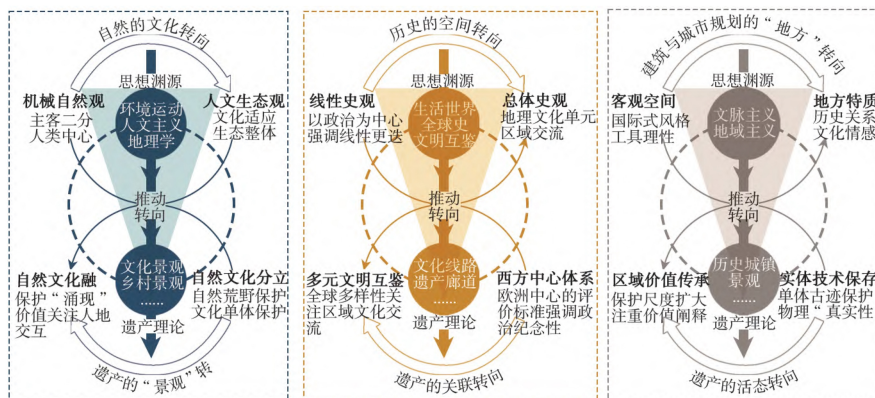

Рисунок 2. Идеиная эволюция, формирующая теоретические трансформации.

2.1 От разделения ценностей к координации природы и культуры

2.1.1 Первоначальное разделение: охрана природной дикости и сохранение культурной материальности

В 1960-е годы и ранее природное и культурное наследие находились в состоянии очевидного разделения. Охрану природного наследия продвигал Международный союз охраны природы (IUCN), сформировавший концепцию и практическую систему, в центре которых стояла экологическая целостность. IUCN выступал за строгие охраняемые территории, опирался на американскую идею национального парка и сосредоточивался на экологических пространствах, растениях, животных и их местообитаниях. Под влиянием эстетики дикой природы он исключал человеческое вмешательство. Охрана культурного наследия следовала европейской линии охраны памятников и направлялась Международным советом по памятникам и достопримечательным местам (ICOMOS), фокусируясь на памятниках, зданиях, археологических местах и других искусственных материальных объектах.

В 1960-1970-е годы две системы дискурса начали пересекаться. Рекомендация 1962 года о сохранении красоты и характера ландшафтов и мест указывала, что охрана природы должна распространяться на искусственно сформированные ландшафты и места, тем самым косвенно признавая ценность слияния культуры и природы [26]. Венецианская хартия 1964 года, исходя из понятия культурной собственности, расширила охрану от "исторических памятников" до городской или сельской среды. Тем не менее Конвенция 1972 года об охране всемирного культурного и природного наследия по-прежнему строго делила наследие на природное и культурное [27], что отражало отсутствие институциональной интеграции. Даже последующее

введение категории смешанного наследия не смогло по-настоящему преодолеть это структурное разделение.

2.1.2 К интеграции: "ландшафт" как связь культуры и природы

После 1980-х годов понятие ландшафта из географии было воспринято сферой охраны наследия. В 1984 году Франция предложила понятие сельского ландшафта для описания "сильно очеловеченной природы". Две неудачные номинации Английского Озерного края вновь показали, что существующие критерии не могут эффективно охватить наследие, где природные и культурные ценности взаимно переплетены. В 1992 году культурный ландшафт стал самостоятельным типом наследия, формально разрушив дуальность природы и культуры.

Культурный ландшафт побудил типы наследия, ранее принадлежавшие к природной или культурной сфере, активно заимствовать идеи друг у друга. В 2005 году Венский меморандум на основе исторических районов предложил новое понятие исторического городского ландшафта [28]. В 2011 году Валлеттские принципы указали, что исторические города являются необходимой частью более широкого природного или созданного человеком контекста, обновляя понимание Вашингтонской хартии [29]. Одновременно изменилась и охрана природного наследия: при создании национальных парков разные страны стали активнее включать идеи охраны культурного наследия, превращая их из чисто природных охраняемых территорий в локальные места, сочетающие природные и культурные ценности.

Переход наследия от культурного объекта и природной дикости к интеграции основан на глубоком понимании "возникающих" ценностей, сформированных долгосрочным взаимодействием человека и земли. Модели землепользования, экологическая мудрость и культурная идентичность, возникающие из такого взаимодействия, могут быть полностью представлены только в региональном масштабе.

2.2 От сохранения объектов к передаче живых ценностей

2.2.1 Ценностная ориентация: продолжение смысла за материальной формой

По мере расширения масштаба наследия охранная концепция постепенно стала ценностно ориентированной. В 1979 году Буррская хартия четко выдвинула охрану "места" и установила оценку ценности как базовое условие охранного действия [30]. Понятие подлинности также изменилось: от физического состояния материалов и конструкций к продолжению и выражению культурного смысла.

Исторический центр Варшавы является показательным примером. Он был включен в Список всемирного наследия в 1980 году. Из-за военных разрушений его здания были восстановлены после войны и не являются подлинными древними объектами в строгом материальном смысле. Однако старый город строго сохранил средневековую форму и планировочную структуру. В сочетании с уникальным историческим контекстом городского возрождения сам акт реконструкции стал символом высокого духа сопротивления жителей Варшавы и показал выдающуюся универсальную ценность [31]. Это означает, что внутренняя ценность наследия вышла на центральное место. Материальное сохранение больше не является единственной целью; выявление и интерпретация культурной ценности стали ключевой задачей охраны.

2.2.2 Расширение границ: живая передача нематериального культурного наследия

По мере роста значимости ценности нематериальное культурное наследие стало самостоятельным типом наследия. От Рекомендации по охране фольклора и традиционной

культуры до программы "Шедевры устного и нематериального наследия человечества" и Конвенции 2003 года об охране нематериального культурного наследия в сферу наследия вошли устные традиции, исполнительские искусства, праздники, ритуалы и другие живые культурные практики. Фокус охраны сместился от статической реставрации к живой передаче.

"Живость" такого наследия состоит в том, что сообщества и группы постоянно практикуют, переосмысливают и заново создают его в конкретной среде. Нематериальное культурное наследие постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от их среды, взаимодействия с природой и истории, придавая им чувство идентичности и преемственности [40]. Такая человекоцентричная и процессуальная охранная концепция естественным образом выходит за микроуровень. Живая передача по сути является локализованной региональной практикой, которую невозможно отделить от местной социальной структуры, экологических условий и культурного контекста. В докладе экспертного совещания по Глобальной стратегии 1994 года отмечалось, что живые культуры, их глубина, сложность и разнообразные отношения со средой нуждаются в более глубоком понимании [32].

Призыв к живой передаче показывает, что охрана наследия больше не является техническим сохранением отдельной "вещи". Это поддержание продолжающихся отношений между людьми, культурой, природой и историей внутри региона, то есть переход от точки к поверхности и от объекта к отношению.

2.3 От западного центра к взаимному обучению региональных цивилизаций

2.3.1 Глобальный дискурс: наследие и культурное разнообразие

Под влиянием глобально-исторического взгляда дискурс оценки наследия постепенно вышел за пределы евроцентризма и расширился к множеству цивилизаций. Проект "Всемирное десятилетие культурного развития" 1988 года заявил, что ценные части каждой культуры могут быть включены в культурную идентичность [33], что обозначило движение международного наследственного дискурса к плюрализму и инклюзивности.

Суть этого поворота заключается в глубоком понимании региональности. Ценности разных цивилизаций не существуют абстрактно; они укоренены в особой региональной среде и являются совокупным выражением природной географии, социальной структуры и исторического контекста. Нарский документ о подлинности 1994 года заново определил подлинность [34], подчеркнув, что культурные ценности разных цивилизаций должны пониматься в их собственном историческом и социальном контексте. В том же году Глобальная стратегия оценила дисбаланс представительности Списка всемирного наследия и активно стимулировала участие незападных стран в номинациях. Цель заключалась в выявлении и признании наследия с уникальными региональными чертами, долго остававшегося незамеченным. В последующее десятилетие число государств-участников выросло со 112 до 152, и культуры, прежде находившиеся на периферии, вошли в поле всемирного наследия.

Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 года отметила, что культура принимает различные формы во времени и пространстве, а культурное разнообразие является общим наследием человечества [35]. Это вновь подтвердило ценность культурного разнообразия и показало ключевую роль места как носителя культурной ценности. Таким образом, оценка наследия стала двигаться к глобальному культурному равенству. Это не только сделало

плюрализм глобальным консенсусом, но и превратило региональную перспективу в необходимую основу для понимания и охраны ценностей разных цивилизаций.

2.3.2 Взаимное обучение цивилизаций: культурные маршруты как новый межрегиональный тип

Взаимное обучение и обмен между цивилизациями получают все большее внимание, побуждая наследие преодолевать рамки национального государства и порождать новые типы, связанные отношениями. В 1964 году Совет Европы предложил понятие культурного маршрута. В 1994 году ЮНЕСКО представила его как тип наследия, а в 2005 году он был включен в критерии Списка всемирного наследия. В 2008 году ICOMOS принял Хартию культурных маршрутов [36], где отмечено, что культурный маршрут по своей сути возникает из человеческих миграций и продолжающегося межрегионального обмена; он не только соединяет пространства, но и связывает прошлое с настоящим, стремясь к глубокой интеграции природного и культурного, материального и нематериального наследия.

Определение культурных маршрутов Советом Европы шире: они не ограничиваются транспортными линиями, но могут быть маршрутами, объединенными общей тематической характеристикой. Поэтому "связь" выходит за пределы физических форм, таких как реки и дороги. Одновременно разные регионы развили свои местные типы. В США были созданы наследственные коридоры, где реки, железные дороги или исторические проходы становятся осями, объединяющими природную, промышленную, миграционную и общественную память и формирующими комплексные наследственные регионы с функциями экологической охраны, культурной передачи и регионального оживления.

Эти региональные линейные наследия являются пространственной проекцией крупных культурных событий и длительных обменных практик. Они связывают разрозненные объекты наследия, формируя межадминистративный и межкультурный тип, и показывают переход охраны наследия к сетевой логике.

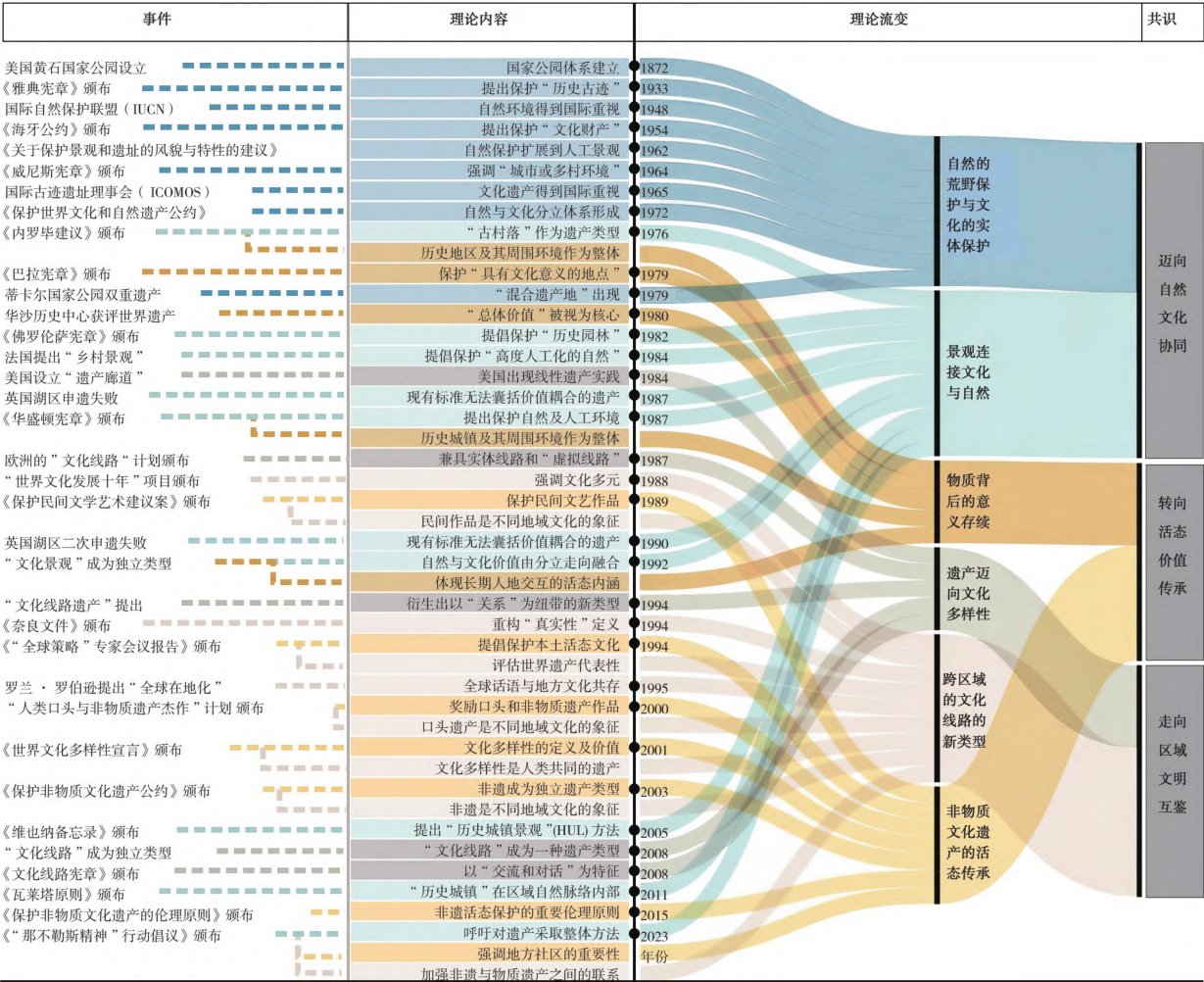

Рисунок 3. Теоретическая эволюция охраны наследия в региональном масштабе.

3 Практические вызовы охраны наследия в региональном масштабе

Международная теория регионального наследия дает Китаю важные ориентиры, но одновременно создает практические вызовы. Китай уже продвигает региональные практики, такие как охрана и использование крупных археологических мест, строительство национальных парков и концентрированная смежная охрана традиционных деревень. Однако ценности многих исторических поселений, культурных маршрутов, сельскохозяйственного наследия и местных ландшафтов еще не полностью выявлены. На практике сохраняются ключевые задачи: выявление основных элементов, оптимизация методов охраны, активизация и трансформация ресурсов, а также построение механизмов межрегиональной координации.

3.1 Расширение когнитивных границ и построение ясного пути региональной охраны наследия

Китай обладает единой историко-культурной пространственной структурой города и деревни [37]. Охрана наследия сможет эффективно сохранять и полноценно интерпретировать ее уникальное и глубокое содержание только тогда, когда расширит когнитивные границы, выйдет за пределы точечного мышления и перейдет к региональному видению. Китайские города и деревни имеют общие корни и тесно связаны через ритуальный порядок, идеи градостроительства и формы

землепользования. Эта целостная структура не может быть охвачена отдельными охраняемыми памятниками или разрозненными историческими городами, поселками и деревнями. Формирующаяся система охраны и передачи уже признает непрерывность ресурсов культурного наследия, но по-прежнему сталкивается с несколькими важными вызовами.

Во-первых, необходимо глубже раскрывать региональные культурные ценности и расширять представление о носителях ценности. Охранное познание должно выходить за пределы объектов, включенных в различные официальные списки, и охватывать носители общей региональной ценности: знаковые культурные ландшафты, природно-географические структуры, исторические дороги и водные сети, ирригационные системы, сети верований и народных обычаев. Рассказ живых местных историй является основой для рассказа истории Китая. Только через системное выявление, исследование и интерпретацию широких носителей ценности можно более полно раскрыть региональное историко-культурное содержание и поддержать богатство и восприимчивость национального исторического нарратива.

Во-вторых, необходимо усилить исследование типов ценности и развивать дифференцированные пути охраны и передачи. Для кластерного наследия, ориентированного на региональную культуру, например для концентрированной охраны традиционных деревень, главным является сохранение целостной структуры, ландшафтных характеристик и локальной культурной экологии региональной земледельческой цивилизации, то есть поддержание целостной культурной системы, в которой "видны горы, видна вода и сохраняется тоска по родине". Для наследия, ориентированного на культурный обмен, такого как Шелковый путь или древняя дорога Тан-Тибет, ценность состоит в сети маршрутов, культурных узлах и доказательствах культурного взаимодействия. Охрана должна подчеркивать общую связанность, культурную стратификацию и динамические процессы обмена. Для мемориального наследия, свидетельствующего о крупных исторических событиях, например маршрутов Великого похода, необходимо сохранять временно-пространственную последовательность событий, ключевые сцены и историческую среду, раскрывая значение событий и их духовное содержание. Иными словами, для разных типов следует ясно определить ценностные свойства и разработать соответствующие цели охраны, масштабы контроля и стратегии передачи.

В-третьих, необходимо точно определить ключевые носители ценности и создать операциональную охранную рамку. Региональное наследие обширно по масштабу и сложно по составу; его нельзя охранять по принципу "все сразу" и невозможно механически применять к нему микро- или мезомасштабную модель линейного зонирования. Нужно глубоко понимать пространственно-культурный контекст и логику эволюции, опираться на пять исторических измерений, предложенных в Мнениях, включать местный опыт в национальный исторический процесс, выявлять структурные элементы региональной ценности, поддерживать ключевые узлы непрерывности городской и сельской культуры и создавать региональную охранную рамку, пригодную для реализации и передачи.

3.2 Применение цифровых интеллектуальных технологий для углубления познания и практики наследия

Цифровая эпоха открывает беспрецедентные возможности для решения проблем региональной охраны наследия. Благодаря интеграции разнородных данных из многих источников, применению пространственной информации и интеллектуальному алгоритмическому анализу можно получать

более точную, целостную и глубокую информацию о наследии, чем прежде. Она может распространяться на нематериальные измерения, такие как историческая информация, человеческая деятельность и опыт восприятия, раскрывая глубинные региональные культурные контексты и обеспечивая базовую техническую поддержку охране и передаче регионального наследия.

С ростом вычислительной мощности становится возможным выявлять исторические процессы, в которых один результат имеет множество причин [38]. Люди могут видеть не только, чем является региональное наследие, но и почему и как оно сформировалось. Это существенно углубляет понимание пространственной структуры наследия, логики его эволюции и глубинных культурных генов региона. Следует, однако, отметить, что количественные исследования и новые технологии в сфере регионального наследия не должны останавливаться на абстрактных цифровых платформах. Их настоящая цель - интерпретировать глубокие культурные структуры, объяснять историческую непрерывность города и деревни, восстанавливать реальные и богатые связи между людьми и землей и превращать охрану регионального наследия в осязаемую, воспринимаемую и переживаемую местную практику.

3.3 Продвижение многостороннего совместного управления и пробуждение внутренних сил живой передачи

История развития региональной охраны наследия показывает, что при обширных территориях и многочисленном населении эффективная охрана неизбежно является живой охраной. Китайская охрана городского и сельского культурного наследия входит в новый этап, где в центре находится передача [39]. Фокус работы должен срочно перейти от единичного жесткого контроля к творческой передаче, в которой люди являются субъектами, а повседневная жизнь - пространством практики.

С одной стороны, необходимо построить многосторонний механизм совместного управления охраной. ЮНЕСКО указывает, что живое наследие развивается через межпоколенческую передачу и взаимодействие сообществ [40]. Это требует государственного руководства, но невозможно без участия жителей, технической поддержки профессиональных учреждений, активного вклада предприятий и общественного признания. Только так охрана перестанет быть внешне навязанным управленческим действием и станет культурным сознанием, исходящим из внутренней потребности, а значит - устойчивой гарантией.

С другой стороны, необходимо усиливать интерпретацию ценности наследия и его современное выражение, чтобы оно становилось воспринимаемым и доступным для участия. Смысл многих историко-культурных ресурсов все еще скрыт за материальной оболочкой. Через системные исследования, построение нарратива и медиакоммуникацию следует объяснять глубокие связи между историко-культурными ресурсами и региональным коллективным духом, одновременно защищая культурные корни и придавая им новые формы выражения и социальные функции.

В конечном счете живая охрана должна активно входить в широкую структуру регионального развития и помогать высококачественному развитию. В нынешних условиях региональная охрана наследия не должна становиться цепью, несущей только ограничения и не дающей выгод. В конкретной практике необходимо вновь и вновь спрашивать: как превратить ресурсы культурного наследия в преимущества регионального развития? Как через интеграцию культуры и туризма, творческие индустрии и другие формы сделать наследие ресурсом развития и повысить

культурную привлекательность региона? Эти вопросы являются ключевыми для оценки эффективности живой передачи.

3.4 Усиление межрегиональной координации и институциональные инновации за пределами административных барьеров

В последние годы Китай последовательно продвигает интеграцию культурных пространств, пересекающих регионы и речные бассейны, включая национальные культурные парки Великой стены, Великого канала и Великого похода. Эти практики уже накопили определенный опыт. Однако, за исключением немногих объектов, таких как Великий канал и Великая стена, управляемых по логике материального памятника, большое количество наследия все еще остается в основном в сфере академического исследования и еще не стало четким типом охраны. Требуется институциональный прорыв. Ключевой вызов региональной охраны наследия заключается в ее изначально межтерриториальной природе.

Во-первых, административный субъект часто неясен. Пространства регионального наследия пересекают границы провинций, городов и уездов, сталкиваясь с вопросами: кто продвигает, кто отвечает, кто управляет? Это порождает практические противоречия: несогласованность планов, трудности распределения ответственности и сложность согласования интересов.

Во-вторых, межведомственная координация сложна. Целостная охрана затрагивает культурное наследие, жилищно-городское и сельское строительство, природные ресурсы, культуру и туризм, водное хозяйство и другие ведомства. Разные элементы охраны управляются отдельно, что затрудняет согласование политики и ресурсные вложения.

В-третьих, сохраняются различия в понимании и технические узкие места. Разные регионы и ведомства по-разному понимают ценность наследия и стандарты охраны; отсутствие единых технических стандартов, платформ данных и норм управления становится препятствием для интегральной охраны.

Только через постоянные институциональные инновации - создание координационных органов регионального уровня, разработку специальных межрегиональных законов и правил, формирование единых технических стандартов классификации, оценки, мониторинга и управления - можно эффективно интегрировать разрозненные административные ресурсы, продвигать целостную охрану и устойчивое развитие межрегионального наследия и обеспечить долговременную передачу ценных наследственных ресурсов в региональной структуре.

4 Заключение

Эволюция интеллектуальных истоков региональной охраны наследия показывает, что эта область широко восприняла междисциплинарные идеи и совершила глубокие теоретические переходы: от отдельных элементов к культурному ландшафту, от разрыва между природой и культурой к целостной живой охране, от единого стандарта ценности к уважению цивилизационного разнообразия. Китай обладает уникальной цивилизационной основой для региональной охраны наследия. Горы и реки сформировали разнообразные географические единицы, породили богатые региональные культуры, и на протяжении тысячелетий цивилизационная преемственность не прерывалась, образуя культурные экосистемы с разными особенностями. Еще важнее то, что культурный обмен и слияние всегда были нормой китайской истории: взаимодействие Севера и Юга, Востока и Запада, взаимное включение города и деревни сформировали непрерывную сеть культурных потоков. Эта цивилизационная черта

многообразного единства и гармонии в различии дает Китаю глубокую почву для межрегионального, длительного и системного познания и охраны наследия.

Поэтому будущая региональная охрана наследия в Китае должна укореняться в собственной цивилизации, объединять результаты глобальной теории и практики и искать особый путь: с научными методами как всеобъемлющей опорой, с культурной интерпретацией, соединяющей местные истории и национальный нарратив, с координацией целостной региональной структуры и местной мудрости, с усилением институциональных гарантий и многостороннего участия. Это не только внутреннее требование охраны культурных корней Китая, но и ответственность китайского подхода в ответ на глобальные вызовы наследия.

Примечания

- [1] Афинская хартия 1933 года официально предложила охрану "исторических памятников".
- [2] Гагская конвенция 1954 года предложила понятие "культурной собственности".
- [3] Рекомендация 1976 года о сохранении исторических районов и их современной роли предложила охрану исторических районов.
- [4] Пять исторических измерений, предложенных в Мнениях: долгая и непрерывная цивилизационная история китайской нации; исторический процесс нового и новейшего Китая; славный путь, на котором Коммунистическая партия Китая сплотила и повела китайский народ к неустанной борьбе; историческая траектория основания и развития Китайской Народной Республики; великий путь реформ и открытости и социалистической модернизации.

Список литературы

- [1] Главное управление Государственного совета КНР. Мнения об усилении охраны и передачи истории и культуры в городском и сельском строительстве[Z]. 2021.
- [2] Чжан Б. Городские и сельские историко-культурные поселения: новый тип региональной целостной охраны культурного наследия[J]. Urban Planning Forum, 1995(6): 5-11.
- [3] Чжан Ц. Переосмысление ценности и особенностей древних китайских городов с позиции сетей наследия[J]. Urban Planning Forum, 2018(1): 2-3.
- [4] Дун В. Предварительное исследование построения национальной историко-культурной пространственной системы[J]. City Planning Review, 2022, 46(2): 71-78.
- [5] Шао Ю, Ху Л, Чжао Ц. Исследование целостной охраны и использования историко-культурных ресурсов с региональной позиции: пример южного Аньхоя[J]. Urban Planning Forum, 2016(3): 98-105.
- [6] Ван К, Ван Ц, Чжоу Я. Размышления об охране городского и сельского историко-культурного наследия с региональной позиции[J]. City Planning Review, 2024, 48(6): 4-13.
- [7] Хэ И, Чай С. Эволюция и кластерная охрана поселений береговой обороны в районе порта Шипу[J]. Urban Planning Forum, 2018(6): 111-118.
- [8] Хэ И, Дэн В, Ли Ц, и др. Региональные типы и кластерные стратегии охраны древних деревень и поселков Шаньси[J]. City Planning Review, 2016, 40(2): 85-93.
- [9] Шао Ю, Чэнь Х, Ху Л. Анализ характеристик городского и сельского культурного наследия на основе региональной культуры: пример охраны наследия в Цзясине, Чжэцзян[J]. Architectural Heritage, 2019(3): 80-89.

- [10] Шао Ю, Гуань С. Повторное исследование ценностных характеристик региональных историко-культурных пространств: пример древней ирригационной зоны Даньцинь[J]. *City Planning Review*, 2023, 47(10): 30-42.
- [11] Relph E. Place and placelessness[M]. Xu T, Wang Z, trans. Beijing: The Commercial Press, 2000.
- [12] Сунь Ц. К новому контекстуализму[D]. Чунцин: Chongqing University, 2012.
- [13] Чжао Б, Цзян Х. К пространственной практике метрополитенской идентичности: ценность, ограничения и импликации теории городского дизайна Александра[J]. *Urban Planning International*, 2024, 39(1): 1-12.
- [14] Welter V M. Biopolis: Patrick Geddes and the city of life[M]. Cambridge: MIT Press, 2002.
- [15] Чжоу Ф. Исследование гуманистической дизайнерской мысли Льюиса Мамфорда[D]. Чэнду: Sichuan University, 2021.
- [16] Сюй Т. Культурный поворот в исследованиях ландшафта и ландшафтная антропология[J]. *Landscape Architecture*, 2021, 28(10): 10-15.
- [17] Tuan Y F. Topophilia: a study of environmental perception, attitudes, and values[M]. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1974.
- [18] Сюй Ц, Хань Ф. Исследование теоретической генеалогии западного культурного ландшафта[J]. *Chinese Landscape Architecture*, 2016, 32(5): 68-75.
- [19] Чжан Ч, Хэ М. О вкладе школы Анналов в социально-историческую теорию[J]. *Social Science Journal*, 2010(6): 190-193.
- [20] Braudel F. The Mediterranean and the Mediterranean world in the age of Philip II[M]. Reynolds S, trans. Berkeley: University of California Press, 1995.
- [21] Burke P. History and social theory[M]. 2nd ed. Cambridge: Polity Press, 2005.
- [22] Toynbee A J. A study of history Vol. 10[M]. London: Oxford University Press, 1948.
- [23] Хуан Ц. Постмодернизм и историческое исследование[M]. Пекин: SDX Joint Publishing Company, 2008.
- [24] McNeill W H. The rise of the west: a history of the human community[M]. Chicago: University of Chicago Press, 2009.
- [25] Bentley J H, Salter H S, Ziegler H F, et al. Traditions & encounters: a global perspective on the past[M]. 7th ed. New York: McGraw-Hill Education, 2020.
- [26] UNESCO. Recommendation concerning the safeguarding of the beauty and character of landscapes and sites[Z]. Paris: UNESCO, 1962.
- [27] UNESCO. Convention concerning the protection of the world cultural and natural heritage[Z]. Paris: UNESCO, 1972.
- [28] UNESCO. Vienna memorandum on "world heritage and contemporary architecture: managing the historic urban landscape"[Z]. Paris: UNESCO, 2005.
- [29] ICOMOS. The Valletta principles for the safeguarding and management of historic cities, towns and urban areas[Z]. Paris: ICOMOS, 2011.
- [30] Australia ICOMOS. The Burra charter: the Australia ICOMOS charter for the conservation of places of cultural significance[Z]. Burra: Australia ICOMOS, 1979.
- [31] Ши Ч. Эволюция критериев оценки "выдающейся универсальной ценности" всемирного наследия[D]. Пекин: Tsinghua University, 2008.

- [32] WHC. Expert meeting on the "global strategy" and thematic studies for a representative world heritage list[R]. Paris: UNESCO World Heritage Centre, 1994.
- [33] Harrison R. Heritage: critical approaches[M]. London: Routledge, 2012: 25-30.
- [34] Nara Conference on Authenticity. Nara document on authenticity[C]//Petzet M, Ziesemer J. International charters for conservation and restoration. Paris: ICOMOS, 2004: 118-121.
- [35] UNESCO. UNESCO universal declaration on cultural diversity[Z]. Paris: UNESCO, 2001.
- [36] ICOMOS. Charter on cultural routes[Z]. Quebec: ICOMOS, 2008.
- [37] Дун В. Продолжение исторического контекста городов через охрану[J/OL]. Qiushi, (2026-01-16) [2026-02-07]. <https://www.qstheory.cn/20260115/0f7a294249bb4867ac24e79bc1a70168/c.html>.
- [38] Ван Ц. Несколько научных вопросов многоуровневой охраны архитектурного наследия китайских городов[J]. City Planning Review, 2022, 46(6): 7-24.
- [39] Дэн В, Хэ И. Эволюция концепций охраны городского и сельского наследия в системе историко-культурных городов[J]. Urban Planning Forum, 2025(4): 50-56.
- [40] UNESCO. Convention for the safeguarding of the intangible cultural heritage[Z]. Paris: UNESCO, 2003.

Перевод выполнен при содействии ИИ